Покинув иллюзию и вернувшись во дворец, принцесса Дуаньян заболела. Но было неизвестно, было ли это связано с истощением после путешествия или последствиями сильного шока.

В последние несколько дней лихорадки Пейюнь дежурила у ее постели. Каждые два часа она обтирала ее тело холодной водой, чтобы снизить температуру.

Занавески дворца Фэнъян слегка дрожали. Фигура в черной мантии бесшумно вошла, отослав горничных, прежде чем встать у постели Дуаньян.

Когда Пейюнь заметила его тень, ее руки невольно застыли.

«Ей стало лучше?»

Пейюнь опустила глаза: «Отвечаю Вашему Величеству, лихорадка принцессы прошла».

«Это хорошо». Император посмотрел на ее стройный профиль. На пальцах, которые должны были быть безупречными, остались некрасивые шрамы от пыток. Он помедлил, прежде чем сказать: «Пейюнь, этот король был невнимателен и обидел тебя».

Пейюнь опустила лицо и быстро покачала головой. Одно это движение стряхнуло с ее глаз несколько слез, похожих на капельки росы. «Эта слуга в порядке. Она не винит Ваше Величество.»

Она ничего не могла с собой поделать, потому что тот, в кого она влюбилась, был владыкой всего под небом. Их статусы различались, как небо и земля. Кроме того, она смирилась и ей доверили заботу о его семье, что еще она могла желать?

Рука императора накрыла ее холодные руки, и с глубоким состраданием он назвал ее имя. «Пейюнь».

Она тут же вырвала свои руки из его. Эта высокая благородная фигура повернулась и покинула дворец Фэнъян, оставив после себя несколько слов. «Минмин немного избалована, но она - хорошая девочка. Позаботься о ней.»

—----------

Ее травмы заживали сто дней.

Хотя система на самом деле не могла держать ее раненой в течение ста дней, Линг Мяомяо все еще оставалась во дворце в течение трех месяцев, чтобы выздороветь по просьбе группы главных героев. В это время она гуляла, пила чай, смотрела спектакли и проводила дни в праздности.

За последние три месяца все дела города Чанъань, храма Синшань, Тао Ина и благовоний из сандалового дерева были решены. Линг Мяомяо прислонилась к кровати и жадно слушала разговор Му Яо и Лю Фуи.

«Овдовев, Тао Юши стала матриархом семьи Тао. У нее всегда было выдающееся обоняние, и, поскольку ее научили делать благовония в ее девичьей семье, она открыла магазин благовоний, создавая печати благовоний и стала известной среди местных жителей».

Му Яо сидела у кровати Мяомяо, держа кинжал и глядя вниз, снимая кожуру с яблока. Она вырезала из яблочной дольки маленького кролика и передала его Линг Мяомяо.

Глаза Мяомяо расширились до размеров медных колокольчиков. Она с радостью приняла его, осмотрела, чувствуя нежелание есть. «Вау, спасибо, сестра Му!»

Му Яо улыбнулась и кивнула. Она обменялась взглядами с Лю Фуи, который пододвинул к ним табуретку и, казалось, обладал бесконечным терпением.

Каждый раз мирные дни, которые следовали за смертельной опасностью, были бесконечно сладкими.

Тао Юши родила двух сыновей и одну дочь. У них было слабое здоровье, и ни один из них не дожил до двадцати лет. После них осталось всего несколько детей. Ей было около пятидесяти, но ей все еще нужно было заботиться о внуках.

«Тао Ин был старшим внуком. Он помогал ей с магазином благовоний. У него также было несколько младших братьев. Один из них унаследовал острое обоняние своей бабушки. Он был любимцем Тао Юши. Этот мальчик был шестым по старшинству, и ему только исполнилось двенадцать, когда произошел несчастный случай. У него еще не было имени, и все в семье звали его просто "Сяо Лю".» [1]

Мяомяо держала яблоко в руках и приглушенным голосом спросила: «Сяо Лю — мистер Лу?»

Му Яо кивнула и молча вздохнула. «Тао Ин потерял любимого человека и не смог этого пережить. В то время он поклялся отомстить вдовствующей супруге Чжао и королевской семье. Но, в конце концов, он не смог навредить Дуаньян и вместо этого потерял свою жизнь. Он не был готов принять этот результат и таким образом стал обиженным духом. Затем он послал сон своему младшему брату, который вырос за эти десять лет. После многих лет разлуки эти двое задумали снова объединиться и завершить свою месть.»

«”Лу” похоже на “Лю”». Несмотря на то, что он оставался незаметным, он не забывал, что был потомком семьи Тао».

«Тогда, Пэйю…»

«Пейю покончила жизнь самоубийством на следующий день после входа в подземелье. Лу Цзю был совершенно обескуражен, узнав об этом». Му Яо тихо сказала: «В этом вопросе Пейю была самой невиновной».

«Тао Юши неожиданно умерла, и магазин благовоний семьи Тао был сожжен дотла. В результате семья Тао разбежалась кто куда. Некоторым из ее внуков пришлось идти своим путем. Тао Ин отправился на север один, а остальные мальчики разошлись по своим родственникам, оставив девочку, у которой даже не прорезались молочные зубы. Поскольку никто не хотел принять ее, Сяо Лю взял ее с собой в Цзяннань.»

«Он преодолел много больших трудностей на юге, начиная с мальчика на побегушках в магазине благовоний, прежде чем, наконец, открыть свой собственный магазин. В то же время он в одиночку вырастил свою сестру, готовя ее стать пешкой мести».

Лю Фуи вздохнул: «Затем он привез свою сестру и их сбережения в Чанъань. Двое действовали по отдельности. Он открыл магазин благовоний, а его сестра вошла во дворец в поисках способов стать одной из горничных дворца Фэнъян…»

«До входа во дворец у нее даже не было имени. Ее называли девятой девочкой, так как она была девятой по старшинству.»

Девятая девочка… Лу Цзю… ах, Лу Цзю, Сяо Лю будет жить вместо тебя. □□

Мяомяо прислонилась к изголовью кровати. Она смотрела в пол со сложным выражением лица. «Хотя нас пригласила вдовствующая супруга Чжао, я все еще чувствую, что королевская семья каким-то образом связана с тем, что случилось с семьей Тао…»

Лю Фуи протянул руку и погладил ее по макушке, нежно утешая. «Когда дело касается кровной мести, никто не хочет заканчивать первым. По крайней мере, Имперский Цензор отнесся с пониманием и попросил оправдать Лу Цзю. Охотники на демонов путешествуют повсюду. Они часто сталкиваются с такой несправедливостью и могут делать только то, что в их силах, и сохранять чистую совесть».

После того как он закончил говорить, Му Яо продолжила: «После того, как я заберу нефритовую табличку, мы сможем разорвать отношения с вдовствующей супругой Чжао. Фуи отправит Лу Цзю обратно в Цзяннань и убедит его прожить остаток жизни мирно.»

Они встали вместе, и перед тем как уйти, Лю Фуи помог ей укрыться. «Убедись, что хорошо отдохнула».

Линг Мяомяо послушно улыбнулась: «Я поняла».

—----------

Как только дверь закрылась, она вскочила с кровати и начала вытягивать конечности. Ей было приказано оставаться в постели до тех пор, пока она не почувствует, что на ней начинает расти плесень.

Когда Му Шэн толкнул дверь, он увидел, как Линг Мяомяо подпрыгивает и скачет по комнате в своем чжунъи [2]. Длинные волосы ее были распущены, ноги быстро двигались, все тело было живым и совсем не походило на больное. Он грубо закрыл за собой дверь: «Что ты делаешь?»

Ее лицо раскраснелось от беготни. Увидев его свидетелем этой сцены, она замерла, проглотив язык. «Я--»

Он ухмыльнулся, глядя на нее насмешливо, когда говорил. «Я понимаю, что мисс Линг, должно быть, на мгновение сошла с ума из-за того, что не могла продолжать свои утренние пробежки в последние несколько дней».

Мяомяо неловко сделала два шага назад и снова легла на кровать. Она натянула одеяло и укрыла ноги. На ее лице появилось огорченное выражение. «Айо, я была неосторожна, и теперь у меня болит нога.»

Му Шэн шаг за шагом подошел и сел на край ее кровати. На его одежде была свежая роса из амбулатории.

Без предупреждения он протянул руку и поймал ее бедро, прежде чем дважды потереть его, приложив немного силы. Она потрясенно посмотрела на него, отрывая его руки. «Ты… зачем ты трогаешь мое бедро…» Ее глаза на мгновение потускнели, прежде чем она схватила себя за ногу и начала выть: «Больно, так больно…»

Холодно, с насмешливым взглядом в глазах он сказал ей: «Продолжай притворяться».

Лицо Мяомяо все еще была красная как рак. Было неизвестно, было ли это из-за упражнений

или из-за того, что ее ложь была раскрыта. Она опустила ногу и посмотрела на него. «Зачем ты пришел сюда?»

Он проигнорировал ее слова, достал из-под одежды бамбуковую стрекозу и протянул ей.

«Что это?» Она на мгновение замерла, косясь на незаконченное крыло бамбуковой стрекозы в его ладонях. Только убедившись, что это та стрекоза, которую она вырезала, она спросила: «Разве это не мое, почему оно здесь?», как будто она еще не знала, как она оказалась в его руках.

Спросив об этом, она вытянула руку, чтобы схватить ее. Ладонь Му Шэна шевельнулась, позволяя ей схватить только воздух. «На ней мое имя».

«Она твоя только потому, что на ней твое имя?» Линг Мяомяо не знала, смеяться ей или плакать. «Хорошо, если взял, то возьми. Зачем вообще возвращать ее?»

Его длинные ресницы опустились. Он, казалось, очень внимательно смотрел на бамбуковую стрекозу. Через мгновение он сказал: «Помогите мне закончить вырезать это».

В комнате воцарилась тишина. Приближалась зима, но в комнате было все так же сухо, как и раньше. Она несколько раз покрутила бамбуковую стрекозу между кончиками пальцев, но по какой-то причине она казалась немного горячей.

Она кашлянула и хлопнула себя по бедру, откровенно ответив: «Хорошо, без проблем, оставьте резьбу мне…»

«Вырежи ее сейчас». Он вдруг поднял глаза, чтобы посмотреть на нее, черное озеро в его глазах.

Делать поделки перед черным лотосом?

Я не могу, черт возьми…

Они посмотрели друг на друга. Линг Мяомяо на мгновение напряглась и сразу же отказалась. «Я… Меня только что проткнули кинжалом в бедро. Теперь я пугаюсь всякий раз, когда вижу кинжал».

Му Шэн бросил холодный взгляд на яблочного кролика и острый кинжал рядом с ним.

Части яблока, которые были отрезаны, казалось, слишком долго находились на воздухе. Они темнели от окисления и выглядели довольно печально.

Он саркастически улыбнулся: «Боишься? Ты, наверное, была в восторге, когда моя сестра вырезала для тебя яблоко этим кинжалом, не так ли?»

Сказав это, он встал, одним взмахом взял яблоко и тут же поднес его ко рту, одним укусом снеся кролику голову.

Потрясенно замолчав, Линг Мяомяо приковала глаза к розовым губам черного лотоса. Посмотрев на него некоторое время, она издала вопль: «Ты… верни моего кролика!»

Линг Мяомяо чуть не расплакалась. Это было такое милое яблоко. Она оставила его на утро, не желая есть. Но теперь, всего за два укуса, он, он…

Щеки черного лотоса надулись, когда он жевал. Он самодовольно посмотрел на нее, и злобная улыбка висела на его губах.

Ее сердце бешено билось от силы ее гнева. Она бросила бамбуковую стрекозу на кровать и легла прямо на нее, вытащив подушку и закрыв ею лицо. «Это уже чересчур, я отказываюсь ее вырезать, ни за что не стану».

Глядя, как ее грудь резко вздымается и опускается, он молча взял одно из яблок в корзине и кинжал со стола. Почти такой же кролик очень быстро сформировался в его руках. Он держал яблоко в левой руке и хлопнул кинжалом по столу правой рукой. «Вот.»

Линг Мяомяо выглянула из-под подушки, открыв пару глаз. Она смотрела на него безжизненными глазами, но была ошеломлена, когда увидела кролика. «Ты тоже умеешь их делать?»

С лицом, полным презрения, он объяснил: «Это была маленькая уловка, которую я использовал, чтобы подбодрить свою старшую сестру. Кто знал, что она выучила ее для себя и подарила тебе».

Линг Мяомяо швырнула в него свою подушку, но он умело уклонился от нее. На этом она достигла своего предела. «Что плохого в том, что она подарила мне одного? Я болею!»

Му Шэн держал яблоко между пальцами и ухмылялся. «Только я могу есть яблоки, которые чистит моя старшая сестра.»

Черт, этот ребячливый парень, он даже яблоку завидует.

Линг Мяомяо приняла его яблоко со сложным выражением лица. Затем она услышала, как он спокойно сказал, глядя вниз: «В будущем тебе разрешено есть только яблочных кроликов, которых делаю я.»

…Этот псих… он сумасшедший!

С большой обидой на черный лотос, Линг Мяомяо безжалостно жевала протянутое ей яблоко. Она действовала так, как будто столкнулась с противником своего уровня. Она закончила и вытерла руку носовым платком. Затем она взяла бамбуковую стрекозу.

Вспомнив, как она вырезала здесь сердце, но не успела стереть его до того, как его увидел черный лотос, она почувствовала досаду. Ей казалось, что он заглядывает в ее собственное сердце.

Она молча вздохнула и приложила шест бамбуковой стрекозы к перепонке между большим и указательным пальцами. Она держала крыло на ладони и с кинжалом в правой руке начала резать отработанными движениями. Деревянные стружки посыпались на пол.

Поскольку она была президентом авиамодельного клуба, ей ничего не стоило сделать деревянный летательный аппарат. Тем не менее, здесь была пара глаз, наблюдающих за ней со стороны. Ладони ее рук стали влажными, и она бессознательно начала использовать более причудливые техники. Словно была какая-то сила, которая тревожила ее, но в то же время радовала, подталкивала к хвастовству.

Му Шэн наблюдал за парой ее маленьких изящных рук, держащих кинжал. Вид того, как она вырезала шест, был ослепителен. Щеки девушки надулись, и пара абрикосовых глаз, не мигая,

смотрела на ее левую ладонь, а ресницы не шевелились.

…Она такая серьезная.

«Эй, смотри внимательно.» Внезапно она заговорила, заставив его понять, что он потерялся в своих мыслях. Он резко перевел взгляд на ее руки.

Все ее руки были усеяны древесной стружкой; Она держала бамбуковую стрекозу, чтобы научить его прямо здесь и сейчас. «Крылья не могут быть плоскими, их нужно загнуть здесь…» После того, как ее нож врезался в дерево, появился гребень, и после небольшой полировки крыло с противоположной стороны приняло форму. «Только когда крылья наклонены, она сможет взлететь в воздух». Она немного отполировала ее, прежде чем сказать ему: «Крылья также должны быть тонкими, как острое лезвие, чтобы они могли рассечь воздух».

Она продолжила и взяла на себя смелость слегка провести крылом по его руке, рисуя красную метку: «Да, это правильная резкость».

Му Шэн тупо посмотрел на свою ладонь.

Этот небольшой порез не был ни легким, ни тяжелым. Была небольшая боль, но больше зуд. Это застало его врасплох, как будто что-то царапало его сердце, но вдруг резко остановилось.

А после того, как оно прекратилось, осталось только чувство, как будто ему не хватает чего-то.

~~~~~~~~~~

[1] Сяо Лю. Сяо как “маленький” и Лю как “шестой (ребенок)”. Потому что он был одним из младших детей и шестым по счету. Это не его настоящее имя, скорее домашнее прозвище.

[2] Чжунъи — средняя одежда. Нижняя одежда похода на шорты с майкой, средняя — на пижамную рубашку со штанами, а верхняя — длинная роба с юбкой. Все это девушки носили одновременно.

http://tl.rulate.ru/book/44922/3160339
~~~~~~~~~~